

СОДЕРЖАНИЕ

Архимандрит Лев (Жилле), апостол Безграничной Любви <i>Наталья Ликвинцева</i>	VII
Проповедь на погребении архимандрита Льва <i>Митрополит Антоний Сурожский</i>	XXVI
О Воскресении. Беседа памяти о. Льва (Жилле), 17 апреля 1980 <i>Митрополит Антоний Сурожский</i>	XXX

БЕЗГРАНИЧНАЯ ЛЮБОВЬ	01
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА	61
I. Великое явление	63
II. Безграничная Любовь	71
III. Врата надежды	82
IV. «Ты крепко любим»	90
V. Стены Иерихонские	98
VI. Чистое и нечистое	106
VII. Большой огонь	117
Примечания	123
ПАСТЫРЬ	129
Предисловие	131
I. Пастырь	133

II. Я ни в чем не буду нуждаться	139
III. Зеленые пажити	145
IV. Восстановитель.....	150
V. Потому что ты со мной.....	156
VI. Трапеза уготована	162
VII. Навеки.....	167

ПРИЛОЖЕНИЕ	175
Страдающий Бог.....	177
Две проповеди.....	192

АРХИМАНДРИТ ЛЕВ (ЖИЛЛЕ), АПОСТОЛ БЕЗГРАНИЧНОЙ ЛЮБВИ

Вы держите в руках удивительную книгу, наполненную радостной вестью о том, что мы все, без исключения, в каждую минуту нашей жизни, и всегда, и прямо сейчас, любимы Богом, любимы безгранично и бесконечно. И написана эта удивительная книга не менее удивительным человеком — архимандритом Львом (Жилле; 1893–1980), православным священником, монахом, французом по рождению, большую часть жизни прожившим в Лондоне, писавшим и по-французски, и по-английски, публиковавшимся чаще всего под псевдонимом Монах Восточной Церкви.

Луи Жилле родился 6 августа 1893 г. в католической семье потомственного судьи в г. Сен-Марселен на юго-востоке Франции. Окончив школу, он изучает философию и филологию сначала в Гренобльском университете, затем в Париже, где слушает лекции Анри Бергсона и увлеченно читает романы Л. Толстого и Ф. Достоевского. Учеба была прервана Первой мировой войной: уже в сентябре 1914 г. тяжело раненый Луи попадает в плен. В бараке военнопленных он встречает столь поразивших его русских братьев по плену, ярких, интересных людей, оставшихся в памяти: к концу войны Луи уже неплохо говорил по-русски. Тяготы военного времени по-новому ставят вопросы веры, поиска смысла жизни и собственного предназначения. В 1920 г. Луи становится послушником бенедиктинского монастыря Сен-Морис-де-Клерво в Люксембурге, а в 1921 г. принимает первые временные обеты в бенедиктинском аббатстве

в Фарнборо, в Великобритании, откуда его направляют для продолжения образования в университет св. Ансельма в Риме, в то время центр восточных исследований, где у него завязываются дружеские отношения с доном Ламбером Бодуэном (который станет затем основателем и настоятелем монастыря восточного обряда сначала в Амэ-сюр-Мёз, затем в Шеветони) и с униатским митрополитом Галицким Андреем (Шептицким). Увлечение Россией, русской культурой и идеей единства Церкви приводит его в 1924 г. в Галицию, в Львовскую епархию (тогда территория Польши), где Луи становится личным секретарем митрополита Андрея (Шептицкого) и монахом-студитом униатской Уневской Лавры. Именно там он приносит в 1925 г. окончательные монашеские обеты, приняв имя Лев, и ему всегда было важно, что это то самое имя, которое носил Лев Толстой. Там же митрополит Андрей рукополагает его во священники, причем совершая рукоположение не по униатскому обряду, а по правилам Киево-Печерской лавры, что для иеромонаха Льва стало еще одним знаменательным свидетельством столь искомого им единства церквей.

А в 1927 г. отец Лев (Жилле) уже оказывается в Ницце в среде русских эмигрантов: талантливого иеромонаха, умеющего ладить с русскими, попросил прислать туда епископ на покое Жерар ван Калоен, основатель Ассоциации помощи русским эмигрантам. Из-за прозелитизма и неумелых действий священников идея такой католической помощи русским беженцам провалилась почти полностью. Иеромонах Лев не стал «спасать» организацию, поправляя ее авторитет, он начинает делать то, что будет потом делать всю

свою жизнь, как монах в миру: просто жить среди людей и делить с ними все их тяготы и несчастья, стараясь максимально помогать и утешать, и словом, и делом. Вот как описывает отец Лев свою жизнь в Ницце в письме к другу, Давиду Бальфуру: «Я живу в двух километрах от Ниццы, на вилле, в которой снимаю две комнаты и коридор. Я поселил там семерых русских обоого пола (все православные), которым нужна материальная помощь, я делю с ними стол; сплю я летом на земле в саду, а сейчас на полу в кухне. Работаю помощником электрика у бывшего гвардейского лейтенанта, это совершеннейший тип Дмитрия Карамазова (кокаин вдобавок к вину, игре и женщинам) и бесконечно симпатичный. Что касается денег, то мы живем исключительно сегодняшним днем и ... никогда не знаем, чем будем питаться на следующей неделе»¹. Отец Лев завязывает дружеские связи со многими русскими православными из Ниццы, особенно сильное впечатление производит на него архиепископ Ниццкий Владимир (Тихоницкий), викарий митрополита Евлогия (Георгиевского) на юге Франции. Поэтому, когда в январе 1928 г. вдруг выходит энциклика папы Пия XI «*Mortalium Animos*» («Души смертных»), перечеркнувшая все попытки межконфессионального диалога, в которых начинала принимать участие Католическая Церковь, следующий шаг кажется ему неизбежным: отец Лев переходит в православие. 25 мая 1928 г. в кламарской церкви, в пригороде Парижа, митрополит Евлогий принимает его в сущем сане, не требуя никаких формул отречения: отец Лев просто сослужит

¹ Цит. по: Behr-Sigel É. Un moine de l'Église d'Orient: le père Lev Gillet. Paris : Cerf, 2005. P. 139.

ему литургию вместе с отцом Сергием Булгаковым. Сам Лев (Жилле) всегда считал этот момент не переходом, не отречением от старого, а просто актом сохранения верности той неразделенной Церкви, в которой внутренне жил всегда, просто углублением в истину. В письме к брату, Пьеру Жилле, от 28 июля 1928 г. он писал, что нашел в Восточной Церкви все тот же свет Христов, что и в Церкви Западной, не какой-то другой, а тот же самый, «просто более чистый и ясный»¹.

Так начинается еще один период биографии отца Льва — в русском Париже, в тесной связи с церковной жизнью и культурой русского зарубежья. Он активно участвует в Русском Студенческом Христианском Движении, выступает на съездах и ведет в Движении библейский кружок, преподает французский язык в Свято-Сергиевском православном богословском институте, пишет статьи для журналов «Вестник РСХД» и «Новый град», издает по-русски книжку «Иисус Назарянин по данным истории» (1934), переводит на французский книгу отца Сергия Булгакова «Православие», несет тюремное служение, окормляет первый православный франкоязычный приход в Париже. Он радостно погружается в эту атмосферу творческого православия, религиозных исканий и дерзаний русской эмигрантской молодежи. Вот как описывал он эту атмосферу в письме матери: «Парижские русские совершенно прекрасны... особенно студенты. Некоторые из них зарабатывают на жизнь физическим трудом, а учатся по ночам. Я вблизи наблюдаю за одним интересным движением в русской мысли: под влиянием нескольких русских парижских философов молодая

¹ Ibid. P. 158.

русская интеллигенция проделывает огромную работу по „переосмыслению“ неоплатонизма, греческих отцов Церкви и византийской мистики, по возрождению понятий Логоса и Софии („Святой Премудрости“, которая осмысливается как живая реальность), забытых еще со времен Отцов. Я знаю молодых людей, которые весь день трудятся на вокзале, а по вечерам, за столиком быстро, пишут об „антиномиях в Святой Троице“, и мне кажется это прекрасным»². С этими русскими, с трудом сводящими концы с концами, зарабатывающими на жизнь тяжелым трудом, совмещая его с учебой и творческой церковной жизнью, отец Лев, верный монашеству в миру как своему призванию, делит все их тяготы и невзгоды. Такое отношение к монашеству и к христианству в целом, понимаемому как горение огнем Христовой любви и как необходимость нести эту любовь всем, кто в ней нуждается, просто не могло не связать его крепкой дружбой с матерью Марией (Скобцовой), преподобномученицей Марией Парижской. В 1935 г. отец Лев переезжает в созданный ею Дом на улице Лурмель, в котором находятся общежитие и столовая для неимущих эмигрантов, а также культурный и миссионерский центр, служит в Покровской церкви при Доме, становится участником «Православного Дела». Доминик Десанти вспоминала о жизни французского иеромонаха на Лурмель: «Отец Лев устроился в бывшем гараже, перенес туда свой матрас, одеяло, кресло с торчащей из него соломой

² Ibid. P. 188. В последней фразе речь, видимо, идет о Павле Евдокимове, тогда студенте Института, зарабатывавшем на жизнь мытьем вагонов на парижском вокзале: позже он станет крупным православным богословом, пишущим по-французски, а с отцом Львом они на всю жизнь останутся близкими друзьями.

и, для работы, столик из кафе, с треснувшим мраморным покрытием»¹. В сборнике «Православное Дело», вместе со статьями самой матери Марии, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова и К.В. Мочульского, выходит и статья отца Льва (Жилле) «Страдающий Бог», открывающая сборник, в ней его размышления о человеческом страдании и о сострадающей человеку Божественной любви: «Любовь страдающая и распятая, но всегда победоносная продолжает действовать в мире»². Больше всего отец Лев до конца жизни жалел, что, уехав накануне войны из Парижа, не смог разделить с матерью Марией, спасавшей в войну евреев, арестованной за это гестапо и погибшей в нацистском концлагере, ее мученический подвиг. В письме от 11 сентября 1973 года он писал к Элизабет Бер-Сижель: «Я хотел отдать свою жизнь, но упустил две горячих возможности. Одна — если бы я не уехал из Украины — то мог бы быть убитым вместе с братьями митрополита Андрея Шептицкого. Другая — если бы я не уехал из Парижа — то был бы депортирован и убит вместе с матерью Марией Скобцовой. <...> Да, я мог бы, как Клепинин, разделить ее участь — а оказался в безопасности. Я об этом не говорю, но это незаживающая рана»³.

Важным моментом этого периода жизни отца Льва стало одно внутреннее событие, о котором он почти никогда не рассказывал, но которое считал «кульминационным моментом» своей жизни. Это случилось

¹ Десанти Д. Встречи с матерью Марией: неверующая о святой. СПб.: Алетейя, 2011. С. 125.

² Лев (Жилле), иеромонах. Страдающий Бог // Православное Дело. Париж, 1939. С. 19.

³ Цит по: Lossky O. Une vie d'Élisabeth Behr-Sigel (1907–2005). Paris: Les éditions du Cerf, 2007. С. 314–315.

в 1935 г. во время непростой поездки на Ближний Восток с хлопотами по делу старокатолического епископа Шарля Винара, искавшего пути перехода в православие вместе со своей общиной и ожидавшего ответа священноначалия, в страхе, что из-за тяжелой болезни до него не доживет. После целого ряда неудачных переговоров с Константинопольским и Антиохийским Патриархатами, в ситуации, близкой к отчаянию, отец Лев оказался в Святой Земле, на берегу Тивериадского озера, где и пережил самый важный в своей жизни мистический опыт: опыт бесспорного, необъяснимого, но несомненного Присутствия, понятого как присутствие Самого Христа. После этого он знает, что самая главная в его жизни Встреча уже состоялась, уже дарована: именно эта встреча и делает столь неповторимым и убедительным звучание всех написанных им после этого книг, потому что теперь он говорит не о вычитанных или теоретических религиозных истинах, а о том Боге, Которого встретил, о том, что пережил на собственном опыте. После такой требовательной и опаляющей встречи он уже всегда и повсюду, даже с самыми близкими, чувствовал себя всего лишь «паломником» и «чужестранцем», как и все мистики, тоскуя по утраченной родине абсолютного единения с Богом.

В 1938 г. отец Лев переезжает в Лондон. Он увлекается в то время темой иудейских корней христианства, много читает и пишет об этом книгу: она выйдет по-английски в Лондоне в 1942, под названием «Общение в Мессии»⁴. В условиях уже начинаю-

⁴ *Lev Gillet. Communion in the Messiah. Studies in the Relationship Between Judaism and Christianity. London, Redhill, 1942.*

щихся гонений на евреев, он соглашается участвовать в проекте Поля Левертофа (еврея, перешедшего в христианство и сохранившего верность иудейским корням, преподавателя Института иудаики, переехавшего с началом войны из Лейпцига в Лондон) по созданию в Англии общежития для христиан еврейского происхождения, бежавших из Австрии и Германии. Митрополит Евлогий благословляет его на отъезд и на жизнь в Англии, на окормление англикано-православного Содружества св. Албания и прп. Сергия и на жизнь монаха в миру и священника без прихода, зарабатывающего не служением у алтаря, а светскими работами. Обет нестяжания этот удивительный человек теперь доводит до последнего предела: из личных вещей у него только Библия и записные книжки; зарабатывает он в основном реферированием религиозной литературы или составлением библиографических списков. Работает в читальном зале библиотеки Британского музея, который называет шутливо «своей кельей», там же написана большая часть его книг. Живет в комнатке при Содружестве. Очень любит проповедовать в Гайд-парке, в том его ораторском уголке, где каждый может обратиться с речью к прохожим: среди политических дебатов, раздающихся справа и слева, он говорит людям о Христе и чувствует себя услышанным. Время от времени он ездит в Ливан, где становится вдохновителем православного движения ливанской молодежи и духовником многих его участников. После войны бывает и во Франции. В Англии активно участвует в жизни Содружества св. Албания и прп. Сергия, выступает на съездах, ведет библейские семинары. Под псевдонимом,

стремящимся к анонимности, — «монах Восточной Церкви» — он выпускает множество книг. Может быть, самая известная из них — «Иисус очами простой веры», в которой евангельские истории, жизнь Иисуса Христа, показаны в ракурсе неожиданного, «простого» взгляда, словно приближающего волшебным образом эту жизнь к нам, или же нас погружающего в нее, делающего далекое близким.

Важной составляющей лондонского периода биографии отца Льва (Жилле) стала его дружба с митрополитом Антонием Сурожским. Биограф владыки Антония Аврил Пайман называет имя отца Льва рядом с именем архимандрита Афанасия (Нечаева), духовного отца Андрея Блума¹, в числе тех двух людей, кто оказал самое сильное, «формирующее» влияние на владыку². И обусловлено это не только дружбой, связавшей их в Англии, но и деятельностью отца Льва по созданию первого франкоязычного прихода в Париже, теми принципами, на которых там строилась церковная жизнь: ощущением православия не как национального явления, но во всей полноте его вселенского характера; укорененностью в опыте неразделенной Церкви, внимательным отношением к западным традициям, к святыням той страны, в которой создается приход, к ее святым периода неразделенной Церкви. Эти принципы были подхвачены и во втором, созданном в Париже в 1930-е гг. отцом Михаилом Бельским франкоязычном приходе в честь иконы

¹ Впоследствии — митрополита Сурожского Антония.

² *Рyman A. Metropolitan Anthony of Sourozh: A Life. Cambridge: The Lutterworth Press, 2016. P. 31.*

Божией Матери «Всех скорбящих Радость», куда по настоянию духовного отца часто ходил юный Андрей Блум. Митрополит Антоний вспоминал потом, что именно в этом приходе он «начал видеть, как дар Православия может менять жизнь людей нерусских, как вдруг раскрываются души, открываются умы, новое отношение к нашей Родине, к нашей Церкви рождается»¹. Такое, открытое всем, не «национально-узкое», но вселенское православие мы найдем потом в Сурожской епархии. Отец Лев оказал решающую роль и в решении Андрея Блума стать священником и приехать в Англию. Владыка вспоминал, что священником он стал «в 1948 году, по слову человека, которому очень верил. Он был французом, православным священником, до этого я видел его один раз, когда мне было лет семнадцать, в день, когда я окончил среднюю школу и сдал экзамен на аттестат зрелости. А тут я его встретил в Англии на православно-англиканском съезде, и он прямо ко мне пришел и сказал: „Вы нам здесь нужны, бросайте медицину, делайтесь священником и переходите в Англию“. ...и я так и поступил...»². В 1957 г. на епископской хиротонии архимандрита Антония (Блума) именно отец Лев вводит его в алтарь. Еще владыка Антоний с любовью вспоминал о том, как однажды перед утренней службой в храме, которую они должны были служить совместно, отец Лев «поспешно схватил „Таймс“ и погрузился в газету. Я посмотрел с грустью и сказал:

¹ Антоний Сурожский, митрополит. Труды: [Книга вторая]. М.: Практика, 2007. С. 40.

² Антоний Сурожский, митрополит. Труды: [Книга первая]. М.: Практика, 2002. С. 270.

„Как вы можете читать газету за миг до того, как мы начнем богослужение?“ И он ответил мне: „А как же я могу молиться о мире, если не знаю, что в нем происходит?“³. Именно митрополит Антоний Сурожский отпевал в 1980 г. архимандрита Льва (Жилле). Умер отец Лев так же тихо и светло, как и жил. 29 марта, в Лазареву субботу, он успел отслужить последнюю свою литургию, сходить прогуляться и пошутить с обитателями Дома св. Василия при Содружестве, в котором жил, сесть в кресло, как водится, с книгой, у себя в комнате, и только звук упавшей книги оповестил о смерти ее читателя. Владыка Антоний сказал в поминальном слове: «Отец Лев пронес и передал нам светильник, и огонь, горящий и сияющий в его пламени, низведен на землю Самим Христом — это горение Святого Духа»⁴. Этот огонь, то горение, которым так наполнена вся жизнь отца Льва, становится главным действующим лицом той книги, которую вы будете сейчас читать.

В нее вошли, в первую очередь, два программных текста архимандрита Льва (Жилле), тесно связанных между собой: «Безграничная Любовь» и «Неопалимая Купина». Книга «Безграничная Любовь» написана по-французски и издана в издательстве католического монастыря восточного обряда в Шеветони в 1971 году. В конце текста автор указал дату и место написания: книга закончена в Ливане, в одну из

³ Там же. С. 314.

⁴ Антоний Сурожский, митрополит. Проповедь на погребение архимандрита Льва (Жилле) // Альфа и Омега. 1996. № 8. С. 86. См. наст. изд. С. XXVI.

пастырских поездок отца Льва (Жилле) на Ближний Восток, где он долгие годы окормлял молодежное православное движение Ливана, дата — Пасха 1970 г. Это действительно одна из самых радостных, полнозвучно пасхальных книг этого автора, ярко и убедительно передающих радостную тональность Благой вести. Биограф о. Льва, Элизабет Бер-Сижель, называет эту книгу «произведением одновременно самым мистическим, самым поэтическим, но и в то же время самым богословским из произведений Монаха Восточной церкви»¹. Необычен сам замысел этой книги: она составлена из небольших главок, каждая из которых — своеобразная поэма в прозе, поскольку написана поэтическим языком, в котором сама мысль усилена передающим ее порывом вдохновения. Нерв книги — диалог души и любящего эту душу Бога, Господа Любви, Безграничной Любви. Причем говорящим оказывается то душа, то обращающийся к ней Господь Любовь: читатель словно качается вместе с маятником этой все больше и больше захлестывающей его любви, оказываясь в самой сердцевине сокровенного диалога, принимая то заверения Самого Бога в любви к душе, т.е. к каждому из нас, то попытки души пересмотреть свою жизнь в свете такой любви. Необычен и адресат книги: автор здесь пытается обратиться ко всем и к каждому, как обращался в своих проповедях в Гайд-парке ко всем встречным, не только к христианам, не только к верующим, но к любому прохожему. Этим объясняется отсутствие непосредственных библейских цитат и прямых упоминаний

¹ Behr-Sigel É. Un moine de l'Église d'Orient: le père Lev Gillet. Paris : Cerf, 2005. P. 557.

Иисуса Христа, при наличии ярких библейских образов и осязаемой новозаветной подоплеке всей книги. Автор пытается развернуть перед предельно широкой читательской аудиторией поразительную картину Божественной Любви, изливаемой на каждого из нас, на любого, даже самого недостойного и последнего грешника, обрушивающейся на нас, на меня, на тебя, читатель, здесь и сейчас. Каждый, пройдя сквозь этот водопад мыслей и образов, выходит с пронзающим душу удивлением: я любим, бесконечно и безоговорочно, именно я и именно в этот, данный момент моей жизни. Именно это дарованное на выходе удивление может стать фундаментом для дальнейшего богословского прояснения, новых поисков новых ответов, и для практического изменения жизни, приготовления ее, чтобы она начала вмещать в себя эту щедрую, через край изливаемую на нас любовь. Книга эта, как замечает Э. Бер-Сижель, «хотела бы привести к Богу Иисуса Христа людей, для которых традиционный церковный язык еще чужд или уже стал чужим языком»².

Причем этот разговор о Любви, стилистикой и тональностью сразу заставляющий вспомнить библейскую Песнь Песней, не имеет ничего общего с сусальностью или умильно слащавым языком «православненьких» агиток. Любовь, о которой здесь идет речь, не тепленькое чувство и не приятность, это буря, шквальный ветер, врывающийся в нашу жизнь и нарушающий ее прежнее течение, это полыхающий огонь. В книге очень много образов,

² Ibid. P. 564.

передающих идею опасности, риска, дерзновения, без которых немислимо приобщение к Безграничной Любви, ведь такая любовь разрывает все границы, опрокидывает привычный нам жизненный уклад, размеренное течение дней, устоявшийся кругозор. Одна из глав книги называется «Неистовое Благовестие»: благовестие Любви взрывает все то, к чему мы успели привыкнуть, и требует от нас готовности к новому, к неожиданному, к лучшему, к встрече с Живым Богом. В книге то и дело повторяются «огненные» образы: Неопалимая Купина, огненная печь, зажигаемый костер. Огненную природу настоящего христианства отмечала и дружившая с отцом Львом мать Мария (Скобцова), — К.В. Мочульский вспоминает ее слова: «или христианство — огонь, или его нет»¹. Огненная природа Божественной Любви особенно наглядно показана в библейском образе Неопалимой Купины, горящего и негорающего куста, в виде которого Бог явил Себя Моисею. Как Купина, Любовь всегда стремится отдать себя до конца, растратить без остатка, и только в такой жертвенной самоотдаче она и жива. Только такой щедрой отдачей себя, готовностью на жертву и можно приобщиться к огню Безграничной Любви, стать, по словам отца Льва (Жилле), зажигателями огня, «теми, кто несет Огонь». Таких людей мы узнаем по свету и теплу огня, каким они горят, по делам любви: «Везде, где человеческую душу воспламеняет Господь Любовь, а также везде, где на улицах, площадях, вдоль заборов, среди бедных и калек, узников,

1 Мочульский К.В. Монахиня Мария (Скобцова): Воспоминания // Третий час. Нью-Йорк, 1946. Вып. 1. С. 71.

бродяг и бездомных в жертвенном порыве мужчины и женщины склоняются над бедой и восстают против несправедливости, — там распространяется пламя священного огня. Там пребывают служители Любви». Книга заканчивается пламенной речью Господа Любви, пришедшего, «чтобы свести на землю огонь Безграничной Любви», и призывающего нас отдать Ему свое сердце, открыться Любви, зажечь этим огнем свою душу, свою жизнь.

Тема любви как горения, самой сути христианской жизни как огня такой любви, и сам образ Неопалимой Купины выстраивают и все повествование второй книги, вошедшей в этот сборник, — «Неопалимая Купина». Она вышла в том же 1971 году, что и «Безграничная Любовь», по-английски, в издательстве Содружества св. Албания и прп. Сергия. Две книги связаны между собой не просто тематически, не просто перекличками тем и образов. Э. Бер-Сижель приводит свидетельство автора, что «Безграничная Любовь» родилась на основе текстов «Неопалимой Купины», как «развитие, не столь библейское и более „поэтическое“»², вошедших в нее размышлений. С Содружеством св. Албания и прп. Сергия книга эта связана не только тем, что вышла в его издательстве. Содружество было создано еще в 1928 г., при участии митрополита Евлогия (Георгиевского) и отца Сергия Булгакова, как место встречи, общения и совместной молитвы англикан и православных; в начальный период главной формой работы были ежегодные конференции-съезды с докладами, бурными обсуждениями,

2 Behr-Sigel É. Un moine de l'Église d'Orient: le père Lev Gillet. Paris : Cerf, 2005. P. 558.

спорами, с литургиями, которые служили поочередно православные и англикане, присутствуя на службах друг у друга, не причащаясь, но участвуя в совместной молитве. В такой деятельности Содружества активно участвовал отец Лев еще в парижский период своей жизни. Послевоенная деятельность Содружества разворачивалась в Англии уже при активном участии и поддержке отца Льва, жившего в Лондоне в Доме св. Василия, ставшем штаб-квартирой Содружества, несколько лет служившего при нем духовником, активно участвовавшего в летних конференциях Содружества, в частности, организовывавшего на них библейские семинары. Одной из форм служения отца Льва в 1960—70-е годы стала организация им весенних «ретритов» Содружества в Плеша, в графстве Эссекс, т.е. выездов с общей молитвой, встречами и совместными размышлениями-медитациями над библейскими текстами. Для каждого «ретрита» выбирался заранее библейский отрывок или образ, каждая встреча представляла собой совместное размышление над библейскими текстами, вариант «медленного чтения», пронизанного молитвой. Встречи эти происходили обычно в конце весны, в конференц-центре в Плеша, на фоне изумительного английского пейзажа. Записываться нужно было заранее. Э. Бер-Сижель вспоминает, что «ретриты, которыми руководил отец Лев, привлекали все больше и больше народа: чтобы суметь туда попасть, нужно было записаться за много недель, а то и месяцев заранее. Именно в общении с небольшой и восприимчивой аудиторией таких ретритов, „Монах Восточной Церкви“ чувствовал себя особенно уверенно и говорил

особенно вдохновенно»¹. Итогом таких библейских медитаций и стал ряд книжечек-брошюр, выпущенных отцом Львом в издательстве Содружества, в их числе и вошедшие в эту книгу тексты «Неопалимая Купина» и «Пастырь».

Итак, «Неопалимая Купина» — это размышление над библейскими текстами, раскрывающими этот таинственный и притягательный образ. Каждая глава книги предваряется цитатой из библейского текста, предваряющей очередную «медитацию», т.е. прочтение текста в его созвучности с сегодняшним днем и с нашими жизнями. Слово автора обращено, таким образом, к верующим, церковным христианам, к тем, кто уже не раз читал эти библейские тексты, кто может легко их узнать, проследить переключку, удивиться новым и неожиданным смыслом. Книга «Безграничная Любовь», таким образом, стала предельным расширением именно этих библейских размышлений для аудитории, разомкнутой до бесконечности. В композиции этого издания у нас обратное движение: сначала огненное, вдохновенное слово о Любви, обращенное ко всем, и затем — возможность сверить уже вызвавшие в нас горячий отклик мысли и образы с Писанием, увидеть истоки огненной мысли о Льва. Теперь мы сможем поразмышлять, вместе с автором, о значении таинственного явления Неопалимой Купины, горящего и несгорающего куста, в виде которого явился Моисею Сам Господь на горе Хорив, о том, как в этом образе воплотилась сама Божественная Любовь, как нам сегодня понимать это «великое

1 Ibid. P. 442.

явление», какие смыслы мы можем почерпнуть в 3-й главе Исхода, где идет об этом речь. Следующие главы книги подхватывают эту тему, все ту же, уже знакомую нам тему Безграничной Любви, укореняя ее в других, перекликающихся с первым, библейских текстах и образах: врата надежды из Книги пророка Осии, обращение к пророку Даниилу, эпизод разрушения стен Иерихона из Книги Иисуса Навина и образ блудницы Раав, имя которой вошло в генеалогию Иисуса Христа, эпизод с чистым и нечистым из 10-й главы Деяний святых апостолов и эпизод зажигания туземцами большого огня для обогрева тех, кто потерпел кораблекрушение вместе с апостолом Павлом на острове Мальта (Деян. 28). Почти все упомянутые тут библейские образы уже встречались нам в книге «Безграничная Любовь», но теперь мы можем остановиться на каждом из них подробнее, вдуматься в тексты, в то, что они говорят лично нам и чего требуют от нас, вывести вместе с автором неожиданную «этику Безграничной Любви», не совпадающую ни с законнической моралью, ни с «ситуативной этикой», этику, в которой критерием правильности выбора оказывается готовность принять на себя страдание, принести жертву, «потому что именно жертва, жертвенное, превосходящее пределы решение, и будет самым глубинным выражением любви». В этой книге звучит все та же вдохновенная весть о том, как сильно мы любимы Богом, все тот же призыв научиться любить в ответ, позволить этой Любви изменить нас самих и нашу жизнь, но теперь мы можем поразмышлять об этом более обстоятельно, сверяясь со знакомыми нам библейскими текстами, опираясь на них.

В переиздании «Неопалимой Купины», вышедшем в издательстве Содружества в 1978 г., к этому тексту добавили еще один, вышедший ранее отдельной брошюрой в 1968 г., — «Пастырь». Это тоже книга, выросшая из еще одного «ретрита», из библейских медитаций отца Льва над текстом 22-го псалма «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться...». Снова вместе с автором мы вдумываемся в библейский текст, в каждую строчку псалма, все в том же движении пронизанного молитвой медленного чтения, вслушиваемся снова и снова в обращенные лично к нам слова Писания, в обетование Безграничной Любви.

Завершается наше издание несколькими небольшими текстами отца Льва, переводы которых уже были доступны ранее русскому читателю: упоминавшейся выше статьей «Страдающий Бог», беседой «Что такое вера?» и двумя проповедями — размышлением над пророчеством Исайи (Ис. 6:8) и «Стены Иерихонские», опубликованными некогда в альманахе «Альфа и Омега». Вместе с уже выходившей ранее в русском переводе книгой «Иисус очами простой веры» (а также недавно изданной «Молитвой Иисусовой»), все это позволит, наконец, русскому читателю составить свое, объемное впечатление об этом удивительном авторе, писавшем под скромным псевдонимом «Монах Восточной Церкви», об этом лучезарном человеке, апостоле Безграничной Любви — архимандрите Льве Жилле.

ПРОПОВЕДЬ НА ПОГРЕБЕНИИ АРХИМАНДРИТА ЛЬВА¹

На Тайной вечере, перед началом Страстных дней Господь сказал Своим ученикам: «Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня» (Ин. 14:28).

И, отзываясь на Его слова, Церковь, исполненная веры и надежды, поет: «Блажен путь, вонже идеши днешь, душе, якоже уготовася тебе место упокоения».

Мы сегодня переполнены грустью, потому что в последний раз прощаемся с человеком, которого любили и уважали. Но нам следовало бы радоваться — исполнилось его самое заветное желание. К этому стремился он всей душой. Не к этой ли цели — к встрече с Господом — было направлено все борение его личности, подчас мятущейся и непредсказуемой? К встрече с Господом, Которого он познал своим сердцем и Которого искал на протяжении всего — очень трудного — жизненного пути, искал с присущими ему решимостью и мужеством. Он часто повторял: «Для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение».

А теперь он дошел до конца своего пути. Он пал ниц перед своим Господом, Богом и Спасителем в безмолвном поклонении, он вошел в тайну богообщения.

Перед тем как продолжить, позвольте мне зачитать несколько отрывков из Писания, выбранных почти пятьдесят лет назад самим отцом Львом в память человека, им горячо любимого.

¹ Архимандрит Лев (Жилле) скончался в Лазареву субботу, 29 марта 1980 г.

«Укрепи меня по слову Твоему, и буду жить; не посрами меня в надежде моей» (Пс. 118:116).

«А я знаю, Искушитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию; и я во плоти узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого увидят Его. Истаевает сердце мое в груди моей!» (Иов 19:25–27).

«Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение. Я снова устрою тебя, и ты будешь устроена» (Иер. 31:3–4).

«Я есмь воскресение и жизнь: верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин. 11:25–26).

«Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало?» (1 Кор. 15:54–55).

И еще — эту молитву:

«Боже все милостивый и все прощающий, просим и молим Тебя о душе раба Твоего, которого Ты призвал от века сего. Не оставь ее в руке вражеской и не забывай вовеки. Но скажи святым Своим Ангелам, чтобы приняли ее и привели к вратам райским. Надевшаяся на Тебя, да не страждет она от адских мук, но да исполнится вечной радостью во Христе, Господе нашем. Аминь».

Эти слова веры и надежды мы можем теперь обратиться к Господу от имени самого отца Льва. Он лежит во гробе, и все, что было в нем тленно, обратится в прах. Все сумерки души осветились, и тьма рассеялась; там, где царил буря человеческого бытия, часто делавшая общение с ним трудным, мешавшая

понимать его тем, кто плохо знал его, ныне только мир.

Теперь зерна отделены от плевел. Земное вскоре вернется в землю. Но что сказать о пшенице? Все мы, и немногие, собравшиеся здесь, и сотни, а может быть, и тысячи слышавших или читавших его слова, не являемся ли полем, на котором он сеял щедрою рукой — в интимных частных беседах, в узком кругу друзей, в размышлениях и проповедях, в книгах, адресованных всем, — сеял повсюду эту пшеницу, семенем которой была сама его живая душа, призывавшая бодрствовать и жить? Не носим ли мы печать его апостольства? И не должен ли каждый из нас спросить себя самого, куда упало семя: на камень, на край поля, в терние или, быть может, дай-то Бог — на плодородную землю?

XXVIII

Не свидетельствует ли нам отец Лев, что искреннее покаяние и всецелое обращение способны превратить самую бесплодную почву в землю избранную, в которой Слово сможет прорасти и приносить плод святости и вечности? Сколько он трудился — вспахивал, удобрял, взращивал — не ожидая благодарности!

«Советы отца Льва были чисты, как алмаз, — но столь же тверды», — это определение — такое точное — принадлежит одной из его духовных дочерей.

Однажды все мы предстанем перед Господом. Отец Лев, с самого детства отдавшись сердцем бедности, будет стоять перед Господом безмолвно, с пустыми руками. Пустыми потому, что он раздал всё, кроме осознания себя грешником, единственная надежда которого — в щедрой любви Божией.